

Д. П. Святополк-Мирский. Славянофилы и националисты.

 Мирский Д. С. Славянофилы и националисты // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. - London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. - С. 345-347.

Оригинал здесь: [Фундаментальная электронная библиотека](#)

Славянофильское движение, начатое Хомяковым и Киреевскими, продолжалось людьми следующего поколения - Юрием Самариным (1819-1876) и обоими Аксаковыми, сыновьями С. Т. Аксакова, Константином (1817-1860) и Иваном (1823-1886).

Иван Аксаков среди младших славянофилов - самое большое литературное имя. Он сохранял первоначальный идеалистический дух славянофильства, не давая ему ни уменьшиться, ни раствориться в угрюмые дни Александра III, и во времена яростной междупартийной ненависти оставался одним из немногих общественных деятелей, которых уважали даже противники. Свою литературную карьеру он начинал как поэт (см. ниже), но прославился как политический публицист. Он был необыкновенно прямым человеком и (в отличие от большинства радикалов) отказался изучать искусство обходить цензуру иносказаньями. Он всегда смело отстаивал права свободного слова. Вершиной его влияния были 1876-1878 гг., когда он стал выразителем общего энтузиазма по поводу освобождения балканских славян. Аксаков - величайший из русских политических журналистов после Герцена. Стиль его отличается силой и прямотой и менее риторичен, чем стиль Герцена. Язык его, как язык Хомякова, сохраняет благородство предшествующей эпохи, но без ее галлицизмов. Аксаков был женат на дочери Тютчева. После смерти тестя он написал его Жизнь, и хотя он останавливается главным образом на политическом аспекте деятельности Тютчева, книга эта содержит страницы, принадлежащие к лучшим образцам русской литературной критики.

Чистое славянофильство старшего поколения, идеалистическое и аристократическое (не столько по содержанию, сколько по тону), кончилось вместе с Иваном Аксаковым. Его традиции сохранялись только среди второстепенных участников движения. Но в пятидесятых и шестидесятых годах возникли новые типы славянофильства. Это было демократическое славянофильство Григорьева и Достоевского и биологический национализм Н. Данилевского. О первом я уже говорил в связи с Григорьевым и еще буду говорить в связи с Достоевским. Кроме этих двух великих людей, выдающимся сторонником этой партии был Николай Николаевич Страхов (1828-1896), друг Толстого, довольно значительный философ и критик, известный английским читателям своим знаменитым письмом к Толстому о темных сторонах характера Достоевского. Доктрина "биологического национализма" была впервые сформулирована Николаем Яковлевичем Данилевским (1822-1885), труд которого Россия и Европа (1869) не потерял влияния и в наши дни. Его идеи прослеживаются в трудах Освальда Шпенглера и наших "евразийцев".

Царствование Александра II было не только эпохой реформ и революций, но и временем войн и быстрой военной экспансии. Герои этой экспансии, генералы Черняев и Скобелев, были невероятно популярны, особенно среди славянофилов. Тут родилось что-то вроде славянофильской доктрины стратегии и тактики, настаивавшей на существовании русской школы ведения войны и на великой традиции Суворова. Главными проповедниками этого были генерал М. И. Драгомиров (1830-1905), человек литературно одаренный, впоследствии прославившийся своим остроумием и едкими эпиграммами, и генерал Ростислав Фадеев (1824-1883), брат "Зинаиды Р-вой" и дядя графа Витте, блестящий военный публицист и интересный политический журналист.

Рост революционного движения и польское восстание 1863 года вызвали к жизни новую волну реакции. Главным ее выразителем был Михаил Никифорович Катков (1818-1887), самый после Герцена и Аксакова влиятельный политический журналист того времени. Начинал он как сторонник умеренного, "английского" конституционного либерализма. Но после 1862-1863 гг. поляки и нигилисты загнали его в стан реакции, и до самой своей смерти он оставался диктатором консервативного общественного мнения. Никогда еще на всем протяжении русской истории правительство так внимательно не прислушивалось к журналисту, никогда еще так часто журналист не оказывал прямого влияния на политические решения, принимаемые правительством. Но Катков никогда не был творцом идей, и за исключением безопасности государства у него не было никаких высоких принципов для опоры. Как писатель же он явно ниже Герцена и Аксакова.

Творческим, почти гениальным умом, и необычайной оригинальностью обладал более крайний, более независимый и менее пригодный для использования реакционер - Константин Леонтьев (1831-1891). Но главные его